

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. А. Тишков

О НОВЫХ ПОДХОДАХ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Надо признать, что господствовавшее в нашем общественном сознании и политической практике представление о существовании в СССР «национального вопроса», который «решен в том виде, как он нам достался от дореволюционного прошлого» не соответствует реальности. Само это понятие «национальный вопрос» неудовлетворительно. Во-первых, «вопрос» для кого: для Москвы, для России, для русского народа или для узбеков, эстонцев, крымских татар и чукчей, у которых на этот «национальный вопрос» вполне ведь может быть и свой «национальный ответ»? Не лучше ли отказаться от этой установки на «вопрос», а подходить к проблемам межнациональных отношений так же, как мы подходим к проблемам экономическим, социально-политическим или культурным. Не говорим же мы, что в СССР существует «экономический вопрос» или «политический вопрос».

Во-вторых, само понятие вопроса в нашем общественном менталитете почти неизбежно связывается с установкой на его решение. А между тем сам по себе «решенческий» подход чреват тем, что как бы блокирует последующие шаги в политике и не учитывает возможности неминуемого возникновения новых проблем и противоречий, заложенных в самой диалектике жизни многонационального государства. Не будет ли более правильным отношение к сфере межнациональных отношений и к возникающим в ней проблемам как к некоей «константе» нашей общественной жизни, требующей гибкого и многовариантного реагирования без зачастую тупиковой установки обязательно найти быстрое и окончательное решение? Это, конечно, не отменяет необходимости осуществления и в данной сфере глубоких перемен в ходе перестройки, где доминантной установкой должны быть терпимость к многообразию и признание несоответствия сегодняшних структур существующим реалиям.

Еще одна черта нашего общественного менталитета, отчетливо выражаемая средствами информации,— это установка или претензии на научный анализ, на «обсуждение проблем» межнациональных отношений (в последнее время обязательно за «круглым столом») вместо того, чтобы рассказывать о проблемах и сообщать о событиях, что является главным предназначением печати и телевидения. Сравниваю английскую газету «Гардиан» за 1 апреля и «Правду» за 3 апреля 1989 г.: в обеих обширные материалы по проблемам межнациональных отношений. В первом случае — детальная информация о шотландском сепаратизме, включающая статистику, фотографии, во втором — в обрамлении 16 портретов дискуссия по теме «СССР — наш общий дом», суть которой — не более чем интеллектуальные упражнения уважаемых и известных представителей творческой интеллигенции. Какую информацию получили десятки миллионов читателей газеты, где есть ряд умных и, возможно, точных рассуждений, оценок, но не меньше и банальных констатаций? И как рядовому читателю отличить среди этих высказываний рациональное от неосознанно расистских

сентенций типа: «каждый человек должен нести в себе „генотип" своего народа», а «интернационализм, всемирная отзывчивость — это генетическое свойство русского народа», или осознанно антиисторических типа: «единственная страна, не знавшая колоний, это Россия»².

Вот уж действительно приходится вспомнить пропетое В. Высоцким сочувствие компании весьма сообразительных телезрителей, которым «краснобай и баламут» с экрана ЦТ «все мозги разбил на части, все извилины заплел». Аналогичные реакции вполне могли возникнуть и после многочасовых повторов четырех телепередач по вопросам межнациональных отношений, организованных обществом «Знание». Не интереснее и полезнее было бы использовать телевизионное время и газетные полосы для информации о жизни и проблемах народов и национальных групп в нашей стране? Газеты и телевидение в течение более года сумели обойтись информацией действительно «вокруг Карабаха», а не о самом Карабахе. Ни одного обстоятельного репортажа или очерка о жизни жителей этого края мы так и не получили, кроме полуанонимных реплик перед заезжими микрофоном и телекамерой.

До сих пор нет настоящей информации о том, где, и как живут в нашей стране немцы, крымские татары, гагаузы, нет журналистских репортажей из районов тесно контактирующих народов, где хорошо известно о непросто складывающихся межнациональных отношениях. Я уже не говорю о мечте любого западного журналиста сделать репортаж из уникальных по своей этнокультурной специфике районов мира, какими остаются до сих пор места проживания народов Севера, Памира, Кавказа. Повезло недавно русским старообрядцам на Аляске: в «Боинге», перелетевшем Берингов пролив, нашлось достаточно мест для советских журналистов, красочно поведавших о своих встречах через наши газеты и ЦТ. Ну, а почему бы не съездить в Богдановский район Грузии, в так называемые Мокрые горы, где уже около 150 лет живут духоборческие общины, и не рассказать об их далеко не простых проблемах?

«Мозговой штурм» проблем, их коллективное обсуждение лучше оставить специалистам, научным изданиям, теоретическим органам печати, но и здесь необходимо пересмотреть еще одну из казалось бы незыблемых исходных установок. Речь в данном случае идет о постулате «научного руководства обществом» и вытекающей из него установки на «разработку научных основ национальной политики». В свою очередь эта разработка мыслится как дружный поиск спасительной концепции, некоей универсальной формулы, которой должны руководствоваться политики и государственные деятели. И вот ЦК КПСС дает серию поручений Академии общественных наук и Институту марксизма-ленинизма, научно-исследовательским институтам АН СССР, проводятся научные конференции, на которых с заглавными докладами нередко выступают те же партийные работники, готовятся справки и записки «наверх». В результате на страницы газет и журналов выплескивается многоголосый спектр мнений, даже рождаются яркие формулы типа: «сильный Центр — сильные республики». Вот только контуры спасительной концепции никак не проясняются, даже если аппаратным работникам вместе с привлеченной «командой» и удастся расшифровать всю получаемую от ученых информацию и воплотить ее в тексты проектов тезисов или резолюций будущих партийных решений. Так в чем же дело?

Нужно осознать тот факт, что наука не должна и не может дать некую единую и цельную концепцию развития межнациональных отношений, политической линии и государственной политики в данном вопросе. Самый ненаучный подход к науке и политике тот, который исключает разнообразие и альтернативность мнений, а индивидуальный поиск и ответственность ученых за свои взгляды и предложения заменяет обезличенными, эклектичными и в итоге безответственными «позициями институтов». Ученые могут дать анализ ситуаций, сообщить только им известную информацию, высказать свои мнения и рекомендации, но некая обезличенная наука может дать только некую обезличенную «свод-

ную» концепцию «научного руководства обществом» или «научных основ политики». Подобными вещами мы занимались в нашей стране многие десятилетия и в итоге довели и общество, и общественное сознание до кризиса.

Видимо, все дело в том, что общество и государство как механизмы, включая и сферу политики, не могут строиться и развиваться только по научным конструкциям, в виде идеально-утопических доктрин или же конкретно расписанных программ. Как ни парадоксально, но именно этот путь скорее ведет к тупикам и катастрофам, чем внешне хаотическое, менее регламентированное, многовекторное развитие, при котором науке и ученым отводится вполне достойное место в процессе выработки политики и принятия решений при сохранении альтернативности и индивидуальности мнений и возможности выбора вплоть до самого высокого государственного уровня, когда принимаются окончательные решения. Что же касается самой науки, то здесь законы саморазвития вообще являются основополагающими, как и плюрализм взглядов и концепций.

При существующей в настоящий момент системе взаимодействия науки и партийно-государственного аппарата (Верховный Совет СССР, а тем более Совет Национальностей у нас еще по-настоящему не заработали, и механизма публичных слушаний пока нет), даже если вариантность решений проскакивает через дирекции гигантских научных монополий в виде наших академических институтов, она подвергается ставшему ритуальным усечению (на языке аппарата это называется «свести воедино») уже на уровне высших партийных органов. В итоге по важнейшим вопросам общественной жизни (этого же следует ожидать и в отношении межнациональных отношений) на обсуждение выносятся единый документ, закрепленный авторитетом руководящего партийного органа. Он уже как бы «обречен» на улучшение, доработку, но никак не на выражение мнения о его возможной эклектичности или даже несостоятельности.

Но со всем этим еще можно было бы смириться, если бы сама наша наука в данной области и ее теоретическая база пребывали в нормальном, здоровом состоянии, если бы сам характер нашего мышления и конституционно-правовые конструкции не несли на себе до сих пор тяжкий груз сталинского догматизма и отставших от времени когда-то, возможно, верных постулатов.

Те понятия, которыми мы повседневно оперируем в науке и практике, сегодня не позволяют даже определить, из каких этнических или историко-культурных общностей состоит население СССР. Вот только несколько вариантов, которые наиболее часто встречаются в нашем лексиконе: а) нации и народности; б) народы; в) национальности; г) нации и народы; д) нации и национальности; е) нации, народности и национальные группы и т. д.

Здесь мы подходим к трудному разговору, откладывать который уже нельзя. Со сталинских времен право на создание научных основ национальной политики принадлежало нашим философам и представителям историко-партийной науки. Именно они десятилетиями разрабатывали «марксистско-ленинскую теорию нации и национального вопроса»: писались тысячи книг и брошюр, защищались десятки тысяч кандидатских и докторских диссертаций. По большому счету, все это представляло грандиозную лженаучную акцию, которую можно сравнить с лысенковщиной в биологии как по своей внутренней несостоятельности, так и по методам отстаивания своих позиций и взглядов. Научными эти работы нельзя назвать уже потому, что в них начисто отсутствовал главный компонент — само исследовательское начало.

Вся «наука» в этой области сводилась к толкованию изречений классиков марксизма-ленинизма с дополнением «аргументации» в виде цитат из партийных документов и речей первых секретарей ЦК компартий союзных республик. Специалистов по национальному вопросу мало волновало и то обстоятельство, что их полувековые усилия не были признаны мировой наукой, где серьезно трудятся над аналогичными вопросами сотни ученых, в том числе искренне симпатизирующих марксизму. Высокомерное сектантство облачалось в непробиваемый жилет «критики фальсификации национальных отношений в СССР».

На внутреннем фронте ведущие «разработчики» теории также неустанно блюли непорочность принятых установок. «Поскольку... (фамилия здесь не важна.— В. Т.) с особой настойчивостью отстаивает свой подход к национальным связям именно как к этническим, то остается только сделать вывод об отходе его от общепринятых в советской науке теоретико-методологических критериев анализа сущности нации как социально-исторической, а не только этнической категории»³ — вот такие окрики-одергивания щедро раздавал своим коллегам тогдашний руководитель сектора национальных проблем Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. А ведь его оппонент всего-то и высказал мысль, что проживающие в инонациональной среде люди могут сохранять этнические связи со своим народом. Уже не окрик, а настоящий политический донос последовал из того же источника «на самый верх» накануне XXVII съезда партии на тогдашнего директора Института этнографии АН СССР и его коллектив, которые, якобы, совершали в стране «идеологическую диверсию», распространяя своими трудами «метастазы этничности». Вот такими были недавние нравы среди теоретиков национального вопроса.

Для того, чтобы основательно обновить наше теоретическое хозяйство как минимум необходимо задействовать потенциал профилирующей в этой области науки — этнографии, судьба которой в прежние времена складывалась непросто. Родившись еще в XIX в. как наука о народах, собирающая и описывающая предметы традиционной материальной и духовной культуры, этнография в СССР вместе с остальным мировым знанием в 20—30-е годы все больше превращалась в этнологию (корень «логос» — «знание» подчеркивал аналитические, народоведческие начала науки в отличие от «графос» — «описание»). Но затем последовали обвинения в космополитизме и грозные проработки. Советским этнологам пришлось ограничиться традиционной этнографией, но принципы, заложенные блестящей плеядой русских этнографов первой четверти XX в., в целом развивались. Коллективы ученых в Москве и Ленинграде остались верны высоким профессиональным стандартам и главному принципу — изучению народов, их жизни, культуры, прошлого на основе полевых исследований. Десятилетиями из Института этнографии АН СССР ежегодно уезжает около 60 экспедиционных отрядов в различные районы страны. И хотя в нашем межнациональном государстве наука о народах поставлена в униженное положение (ученые ютятся по 15 человек в 18-метровых комнатах, а бесценные экспедиционные материалы хранятся в подвалах), выходящие в последние два десятилетия ежегодно 25—30 научных книг сотрудников Института составили советским обществоведкам репутацию, за которую не стыдно по самым строгим меркам сегодняшнего дня. Институт этнографии один из немногих гуманитарных учреждений сохранил свое достойное лицо, накопив уникальную и наиболее достоверную информацию о народах нашей страны и других народах мира. Он же способствовал подготовке профессиональных кадров этнологов в республиках.

Пишу это не по причине рецидива благодушия, а ради истины. И ради нее же не могу не сказать и слов критики в адрес своих коллег. Все же изучение народов по отдельности, приоритетный интерес к реконструкции традиционного этнографического среза на конец XIX века, чрезмерная концентрация научных сил на трудоемкой работе по этнографическим атласам способствовали отрыву от существующих проблем как в состоянии современных культур народов, так и в сфере взаимоотношений между народами. Отчасти это были защитная реакция на атмосферу назойливой конъюнктурности и невозможности высказаться публично по острым проблемам «нерушимой дружбы народов».

Но все-таки академическая наука в явном долгу перед обществом. 3 марта 1989 г. состоялось заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР, на котором специально обсуждался вопрос о состоянии и перспективах изучения национальных отношений. Председательствовавший назвал это заседание «высшим научным ареопагом». Академики Ю. В. Бромлей (докладчик), П. Н. Федосеев, Б. Н. Пономарев, А. Г. Егоров, члены-корреспонденты А. А. Искендеров,

Г. Б. Старушенко, профессора Э. А. Баграмов, С. Т. Калтахчян и другие выступившие ученые — люди известные, многие годы активно разрабатывающие основы теории и политики в данном вопросе. И на этом заседании было высказано много интересных и ценных положений и конкретных предложений.

И все же осмелюсь сказать, что дух охранительства и грозного осуждения «попыток пересмотреть базисные категории марксистско-ленинской теории» (так было записано в проекте принятого решения Секции), печально витал в зале. Выражались сожаления, что «даже в партийной печати высказываются неверные взгляды и положения». В частности, имелся в виду всего лишь заданный со страниц журнала «Коммунист» вопрос, почему в мировой научной литературе и международной политической практике под нацией понимается совокупность граждан одного государства и такое понимание для большинства населения мира является нормой.

Можно понять коллег, посвятивших свою научную карьеру обоснованию тех или иных положений, которые вдруг кто-то осмеливается подвергать сомнению. Но нельзя и заставить ученых перестать думать и осмысливать новые и очень трудные реалии. Пора и отказаться от претензий на абсолютную истину, выбросить из научного общения определения мыслей своих коллег как неправильные, неверные и т. п. Вера и научное мышление всегда были трудно совместимы!

А ведь ситуация по части теоретико-концептуальной разработки основ национальной политики действительно очень сложная. Так называемая марксистско-ленинская теория национального вопроса в ее нынешнем виде фактически способствует дестабилизации международных отношений, ибо заключает в себе противоречащие здравому смыслу формулы, безнадежно отставшие от реальных общественных процессов социальн-утопические воззрения. Взять хотя бы для примера трактовку такого ключевого положения, как право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания собственного государства. Стерилизованный характер этого положения в нашей конституционной практике до сих пор объясняется теоретиками ленинским высказыванием, что данное право сравнимо с «демократическим правом каждого из супругов на развод», но что оно не означает какого-то призыва к «разводу»⁴.

Призывать к разводу, возможно, не всегда достойное занятие, но полагать, что право на развод достаточно только провозгласить, а самого развода в реальной жизни происходить не должно и формальной процедуры для его осуществления также не должно быть — это утопично и противоречит здравому смыслу. Остается только удивляться, как нашей теоретической мысли и пропаганде удавалось столько десятилетий совершать словесную эквилибристику, в том числе вокруг ленинских цитат, чтобы оправдать фарисейство политической практики.

Не все просто и с разработанной в последние десятилетия в советском обществоведении теорией этноса. Работы Ю. В. Бромлея и других моих коллег на фоне застойных времен были безусловным шагом вперед и нелегким гражданским поступком, но в буквальном смысле «стадиальная» отсталость общественной жизни фатально предопределяла невозможность освободиться от некоторых канонов и в мышлении.

Прошлым летом на международном конгрессе антропологов и этнологов в Загребе меня неприятно поразил иронический комментарий известного своими прогрессивными взглядами • рупного американского ученого Э. Вулфа по поводу советского пленарного доклада: «Спасибо за лекцию по социальному расизму». Еще раньше редактор журнала «Current Anthropology» А. Купер заметил, что «теория этноса — порождение позднего немецкого романтизма — по странной иронии сохраняется сегодня только в департаментах антропологии Москвы и Претории»⁵. Невозможно согласиться с этими облегченно-политизированными оценками, но все же это — «сигнал», призывающий задуматься над нашими теоретическими построениями.

Видимо, прежде всего над целесообразностью детальной иерархии этнических общностей, жестко привязанной к пятичленной формационной формуле,

детерминизм и однолинейность которой в понимании исторического процесса, особенно в XX веке, все больше не удовлетворяют историков. В итоге такой «увязки» появился малопонятный тип этнической общности — народность, дожившая от рабовладения до социализма.

Понимание нации как типа этнической общности эпохи капитализма и социализма ведет к признанию ее этнической однородности, в то время, как дискретный характер наций, особенно в новейшую эпоху стал более чем очевиден. Территория как признак этнической общности типа нации неизбежно связывается с понятием административных границ, что в рамках многонационального государства все больше теряет смысл. Получается, что 4/5 татар Советского Союза не принадлежат к татарской нации, а деятели армянской или грузинской культуры, живущие в Москве, тоже, согласно логике наших дефиниций, не принадлежат к собственным этническим общностям. Разными типами, причем стадийными (один выше другого) этнических общностей в нашей теории объявляются буржуазная и социалистическая нации, хотя все попытки объяснить различия между двумя этими типами сводятся к характеристикам двух различных общественно-политических устройств и не имеют собственно этнического значения. Особенно несостоятельными выглядят такие отличительные характеристики социалистической нации, как социальная однородность и гармоничность развития. Вполне очевидно, что социальный строй — не панацея от межнациональных конфликтов.

Наконец, трактовка этнического прежде всего в форме объективно существующих социальных группировок людей с определенным набором материальных признаков (самосознание среди этих признаков стоит на последнем месте) ведет к принижению значения духовных субстанций в характеристике этнических общностей, что расходится со всей идеологией национального в новое, а тем более в новейшее время. Наша гуманитарная мысль оказалась равнодушной или беспомощной и не смогла раскрыть, сколь мощные мифотворческие, мобилизующие на определенные цели начала лежат в основе национального фактора в жизни людей. Вместо того, чтобы раскрыть эти мифологические начала, мы, опасаясь впасть в идеалистическую ересь, сами сотворили миф о безусловно объективной реальности этнических общностей, как неких архетипов, в том числе применительно к современной эпохе, чем как бы легитимизировали «национальную государственность», ассоциированную с той или иной доминирующей этнической группой. А это еще более фатально расходится с процессами последовательной демократизации и создания гражданского общества, особенно когда речь идет о многонациональных государствах.

Теоретическое переосмысление, видимо, требует более радикальных подходов, чем это представляется на первый взгляд. Сейчас, по словам А. Ципко, имеет место попытка «отлучения реального социализма от его идейной основы»; «Велик соблазн вычеркнуть Сталина, а вместе с ним и его политическую практику, его представления о социализме из истории марксизма, международного коммунистического движения»⁶. Наиболее отчетливо это проявляется и в оценке истории национальной политики партии, в сфере, на первый взгляд, казалось бы, «перестроечных» изысканий по межнациональным отношениям, по проблемам нашего теоретического наследия в этой части марксистско-ленинского обществознания.

Пафос ученых и публицистов сейчас направлен на то, чтобы объяснить причины обострения межнациональных отношений в общем-то просто: «Это дают о себе знать деформации сталинизма, а затем период застоя в сфере национальных и межнациональных отношений»⁷. Нужно только «очистить Ленина от Сталина», восстановить ленинские принципы национальной политики и окажется возможным революционное обновление нашего общества, достижение качественно новых подходов и положения в сфере межнациональных отношений. К сожалению, в том же направлении достаточно жестко ориентируют и документы XIX партконференции: «Единственно здоровой основой нашего развития

может быть только последовательное проведение ленинской национальной политики»⁸.

Магия партийных решений и инерция теологического мышления не позволяют преодолеть базовый догматизм даже специалистам с репутацией радикалов. Перед ними оказывается какая-то невидимая черта, за которую ступать пока боязно. В итоге предлагается все тот же вариант, заново «читая Ленина», «найти современную истину»⁹.

По сути, нам предлагается принять в качестве нормативной, верной на все времена и на все случаи, марксистско-ленинскую теорию наций в том виде, как она представляется из цитат и отдельных работ К- Маркса и В. И. Ленина. Неужели основоположники учения, если они считали себя учениками, а тем более политиками, согласились бы сегодня с таким подходом к тому, что было ими написано 100 лет назад? Сама природа научного мышления, здравый смысл, да и критическое (без софистики и эквилибристики выборочного цитирования) соотнесение когда-то безусловно верных и долгое время работавших на практику постулатов с действительностью конца XX века убеждают, что помимо освобождения от деформаций, нужна сегодня и экспертиза самого генерального проекта. Не нужно бояться задать вопрос и дать ответ, в чем К- Маркс и В. И. Ленин не смогли оказаться провидцами на столетие вперед (не думаю, чтобы они к этому и стремились), какие из положений и оценок сегодня просто не работают. Без этого невозможны ни творческое развитие теории, ни качественно новые подходы в политике, зато вероятны очередной застой мысли и жестокий разлад с действительностью.

Обращаясь к В. И. Ленину, нельзя не видеть, что суть его философско-политического кредо при осуществлении плана социалистической революции заключалась в выдвигании наиболее радикального принципа — права наций на самоопределение вплоть до отделения и в осуждении принципов национально-культурной автономии. Этот вариант политической стратегии давал большевикам безусловные преимущества в борьбе за власть и поддержку народных масс, что и сделало возможным сохранить почти в тех же пределах территорию многонациональной царской России, но уже под эгидой революционной государственности. В то же время В. И. Ленин глубоко верил, что с устранением эксплуатации через упразднение государственного строя, через пролетарскую солидарность национальные различия, этнические чувства и проявления будут отходить на задний план с перспективой их неизбежного отмирания. В это, кстати, верила вся левая социалистическая мысль с конца XIX века, демонстрируя тем самым хорошо известное историкам явление под названием «заблуждение эпохи».

Но конец XX в. выявил принципиально иную ситуацию. Культурное многообразие и национальные различия, особенно в сфере самосознания и духовной жизни, сохраняющиеся независимо от социальных условий и в то же время лозунг создания «национальных государств» не реализовался в истории. Более того, в многонациональных государствах попытки построить административное деление по этническим границам оказались трудно осуществимыми из-за повсеместно усиливающегося смешения людей разных национальностей, развития хозяйственных связей, утверждения общедемократических гражданских норм. В современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее именно через различные формы национально-культурной автономии, через развитие регионального и местного самоуправления, через общегосударственное хозяйственное преуспевание и совершенствование форм социального и политического устройства. Сегодня принцип права наций на самоопределение, как это ни трудно признавать, из арсенала государственной политики фактически исчезает повсеместно.

Если мы намерены перестраивать межнациональные отношения при условии сохранения нашего союза, построения современного демократического общества с высоко развитой экономикой и действительным культурным много-

образом, то важно подумать о качественно новых подходах в теории и практике.

Зададим хотя бы один вопрос. Что такое нация? В недавно выпущенном учебнике по проблемам развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания можно прочитать следующее: «Представителям современной буржуазной социологии и политологии присуща тенденция к биологизации и психологизации нации... социальная подоплека такой позиции совершенно очевидна. Она состоит в том, чтобы затушевать и даже скрыть решающую роль историко-экономических, прежде всего классовых, факторов в жизни национальных общностей людей.

Этим же целям служит выпячивание, преувеличение значения этнических моментов (язык, территория, особенности культуры, психологии, обычаев, традиций и т. д.) в формировании, функционировании и развитии национальных общностей людей». А через две страницы: «Итак, нация — это историческая общность людей периода становления и развития капитализма (капиталистический тип нации) или социализма (социалистический тип нации), характеризующаяся устойчивой общностью экономических связей, территории, языка, культурно-психологических особенностей»¹⁰.

Так что же все-таки такое нация, если без «выпячивания» и «преувеличения»? А еще лучше, если без повторения сталинской формулировки из четырех признаков, каждый из которых не выдерживает проверки действительностью? Право же, в шутовском определении нации, бытовавшем в Европе: «Нация — это группа людей, объединенных ошибочным представлением о своем происхождении и общей неприязнью к своим соседям» — и то видится больше логики и смысла, чем в вышеприведенных цитатах.

Ну, а если серьезно, то сейчас ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать какое-либо четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группировки людей, как типа этнической общности невозможно. Исследователи полагают, что нация может считаться реальностью лишь как субстанция духовной культуры и коллективного сознания, как внутригрупповое понятие, а не что-то определяемое учеными или политиками извне. Нация является выражением общности судеб и интересов членов общества, это своего рода «постоянный, неформальный, извечно самоутверждающийся плебисцит». Идея нации оформляется в среде того или иного народа и как средство достижения государственного суверенитета и реализуется с достижением этой государственности. Нация и государство образуют своего рода симбиоз: если идея нации является необходимой основой для государства, то в государстве воплощается коллективная «национальная воля». Другими словами, не после возникновения наций рождаются национальные движения, а наоборот на почве национальных движений достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Не случайно, родившись в Европе в эпоху буржуазных революций и образования национальных государств, идея нации, пройдя через этап слияния этого понятия с понятием государства, ныне явно проявляет признаки умирания, столкнувшись с новым этапом ломки всех межгосударственных перегородок на западно-европейском континенте и процессом «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. В остальных районах Земли, не испытавших прямого европейского влияния, понятия «нация» в общественной мысли и практике нет вообще.

Мы же вслед за Сталиным придали понятию «нация» четко материальные признаки, жестко связав их с республиканским статусом и территориями. Затем стали конструировать «социалистические нации», составлять их перечень, закреплять его в Конституции. И в результате создалась ситуация, о которой хорошо сказал Ф. Искандер: «Национализм подогревается самой структурой нашего общества, где учет национальных интересов, изначально правильный и благородный, превратился в дурную формальность»¹².

Еще более сложно обстоит дело с понятием «народность», которое мы уже

долгие годы переводим для своих зарубежных коллег как *narodnostne* в силах толково объяснить его современное содержание, а для себя уже согласились считать народность «маленькой нацией». Возможно, разумнее самим народам (будь то украинцы или цыгане, армяне или нивхи) дать возможность называть или не называть себя нацией и не придавать этому понятию конституционную дефиницию.

Выдвижение в качестве главного приоритета расширения прав союзных республик при том, что в нашей Конституции они определены как «национальные государства», на мой взгляд, не решит проблему гармонизации межнациональных отношений в нашей стране. Более того, оно может привести к обострению ситуации в связи со статусом и правами граждан республик, которые не принадлежат к так называемым коренным нациям. Такую ситуацию мы уже наблюдаем в СФРЮ, а в последние месяцы и в СССР. Слом вертикальных бюрократических структур и ограничение прерогатив Центра необходимо, но оно в равной мере должно касаться не только союзных, но и автономных республик, областей и округов, территориальных областей, а между тем некоторые из них по своей численности, хозяйственному потенциалу, производимым материальным благам не уступают союзным республикам. Этот процесс должен рассматриваться прежде всего как часть процесса общей демократизации нашего гражданского общества, расширения местной автономии и самоуправления. Нужно обрезать крону центральной системы, укреплять места и регионы.

Включение же этого процесса в контекст и даже в основу перестройки межнациональных отношений неминуемо ведет к абсолютизации фактора «национальной государственности». Последняя же сама по себе еще не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития. К тому же, как известно, СССР — это общество неравноправной национальной государственности. Устранение во многих случаях непонятной иерархии национальных образований повышением статуса некоторых из них и достижением равноправия в рамках федерации, на наш взгляд, необходимо. Это не только укрепило бы позитивные центробежные тенденции (последние неверно трактуются только как негативные), но, что особенно важно, снизилась бы исключительность статуса 15 из более, чем 100 народов страны (вернее, той их части, которая проживает в пределах «своих» союзных республик), были бы ослаблены причины конфликтных отношений по поводу национальной государственности.

В основу концепции гармонизации межнациональных отношений должен, на наш взгляд, быть положен принцип обеспечения прав народов на путях расширения самостоятельности регионов, культурной автономии, а самое главное — последовательной гражданской демократизации, включая обеспечение специфических интересов отдельной личности и коллективов, обусловленных принадлежностью к тому или иному народу. Субъектом национальных прав должен быть прежде всего гражданин как высшая общественная ценность, а уж затем народ, а тем более государственность в виде республики.

Еще один незыблемый постулат — это безоговорочное убеждение в преимуществах существования крупных государств и социальных условий жизни в них граждан. В случае с Советским Союзом в качестве аргумента часто приводится высказывание В. И. Ленина: «Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами, мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»¹⁴.

Действительно, на протяжении столетий человеческой истории такая наиболее сильная и всепроникающая социальная группировка людей как государство имела естественную тенденцию к расширению, к экспансии: чем больше территория и ее ресурсы, людской потенциал в пределах государственных границ, тем мощнее выглядело данное политическое сообщество в плане обеспечения социальных условий жизни своих членов и в плане защиты от внешней угрозы.

Процесс «огосударствления» народов Земли, включая формирование колониальных империй и мощных сверхдержав особенно бурно проходил в период утверждения и развития капиталистических производственных отношений, особенно в XVIII—XIX вв. Второй мощной волной этого процесса было образование новых суверенных государств на развалинах бывших крупных монархий (Османская империя, Австро-Венгерская монархия и др.) и в результате распада колониальных империй, прежде всего Британской. Но и этот процесс, начавшись в XIX в., в принципе завершился к 60-м годам XX в. Что касается многонациональной Российской империи, то ее, видимо, ожидал бы тот же самый законный исторический финал, но только мощная революционная идея и созданная большевиками монолитная политическая и государственная система (к сожалению, вскоре переродившаяся в тоталитаризм) позволили сохранить единство народов и создать федеративное государство, в своих очертаниях почти повторившее границы бывшей империи.

Но нельзя забывать, что в первые же годы после свержения царизма, а затем победы социалистической революции в итоге прежде всего национальных движений реализовали право на самоопределение крупные народы национальных окраин (Польша, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Азербайджан, Армения, Грузия, да и собственно РСФСР). Таким образом, провозглашенное большевиками в тех исторических условиях право на самоопределение было не просто лозунгом, а действительно было сравнимо с демократическим правом каждого супруга на развод.

Однако правом на самоопределение в первые годы после краха царизма смогли воспользоваться далеко не все народы прежде всего в силу тогдашнего уровня своего развития. Этот выбор у них был еще впереди. Во-вторых, в ряде конкретных случаев, как, например, в Прибалтике, говорить о подлинном волеизъявлении народов с 1940 г. было бы просто антиисторично.

Так где же выход сегодня? Неужели возврат почти на столетие назад, ко временам национальных движений, к лозунгам и принципам национальной политики 1917 года, действительно спасшим революционную Россию в тот исторический момент? И здесь не мешает взглянуть на мир конца XX века и на ситуацию в нашей стране спокойным взглядом современника, не боясь лишиться провидческих подпорок гениев революционного мышления прошлого. Видимо, процесс «огосударствления» населения Земли, а вместе с ним и эпоха национальных движений и тотальных революционных переворотов уже завершились. 3—4 тысячи народов оказались проживающими в пределах примерно 170 суверенных государств, а принцип создания государств «по национальности» (один народ — одно государство) не реализовался в истории: человечество предпочло жить в многонациональных образованиях по ряду объективных причин, хотя это предпочтение не всегда реализовывалось добровольно для всех без исключения народов.

Более того, во второй половине XX века наряду с растущими взаимозависимостью, сотрудничеством и глубокой интеграцией возросли тенденции неравномерного развития государств, их жесткой глобальной конкуренции за мировые ресурсы и опасного военного соперничества на мировой арене, угрожающего гибелью всему человечеству. Сверхиндустриализация и беспредельный рост производимых и потребляемых благ вызвали экологические проблемы, не разрешимые в рамках национальных границ. Во внутренней жизни государств эпицентр социальных конфликтов все больше перемещается с классовых параметров к антитезе «личность — государство» из-за узурпации институтами власти делегированных гражданами прав и коллективного суверенитета.

Современные эффективные производство и хозяйственные связи не могут ограничиваться государственными рамками как бы ни были обширны территории и богаты ресурсы последних. Нивелирующие стандарты современного образа жизни, интернациональная массовая культура и атрибуты общегосударственной культуры вызывают реакцию «этнического возрождения» в самых причуд-

ливых формах, от использования локальной традиции до солидарности на межгосударственном, межконтинентальном уровне. Сегодня экономика, этничность и государственность, в прошлом тесно связанные и взаимообусловленные, начинают функционировать и даже способны выжить только по своим собственным, раздельным законам существования. Столь необходимые в прошлом для двух первых политико-административные границы ныне стали препятствием, да и для государств в ряде регионов границы все больше становятся лишь символами.

Наднациональные формы интеграции, как и способность современных средств коммуникации осуществлять общение (а это значит составлять общность) граждан и организаций, минуя государственные институты, уменьшают необходимость в существовании государственной власти. Государство теряет смысл в мирном и гомогенном обществе, для которого достаточно механизмов социальной саморегуляции. Таким образом, есть основания для вывода, что государства как таковые становятся определенными ограничителями на нынешнем этапе социальной эволюции человечества.

Остается задать вопрос: какая тенденция сегодня является наиболее значимой в глобальных масштабах и в общем направлении эволюционного процесса — разрастание государств или, наоборот, дробление политических образований? Как известно, государства не только возникают, но и распадаются, дробятся на более мелкие или даже просто исчезают с лица Земли. То же самое, даже в более подвижной форме, свойственно внутригосударственным автономиям. На рубеже двух столетий, когда в историческом творчестве людей на первый план выходят не столько задачи «тотальных» социальных переворотов, освободительных революций и образования суверенных государств, сколько задачи совершенствования существующих политических структур, демократизации, улучшения социальных условий существования людей, перед государствами встает как бы «изнутри» новый исторический вызов. Особенно это касается крупных многонациональных государств. Необходимо доказать (не силой и не ссылкой на некогда сделанный бесповоротный выбор, а примером) преимущества не только социальной сущности избранного общественного устройства, но и формы государственного образования (федеративной, автономной или унитарной) в сравнении с другими возможными альтернативами. Это «бремя доказательств» должно ложиться не только на саму государственную машину, аппарат центральных властей, но и на народ или народы, «инициаторов» многонационального союза. История знала достаточно случаев, когда гибли многонациональные империи и государства из-за ослабления силы авторитета и притягательности примера «центра» и одновременного усиления этнической «периферии».

Так ли реальна перспектива «балканизации» крупных многонациональных государств, в том числе и нашего Союза? Задавать такой вопрос и искать ответ на него необходимо. В пользу их сохранения действует глобально-демографический фактор. В мире идет процесс все большей концентрации населения Земли в составе крупных государственных образований. В 1950 г. в крупнейших странах (более 100 млн. жителей) проживало 49,8% всего населения, в 2000 г. будет жить 63,4% всего населения мира. Всего в наиболее крупных и средних странах (с населением более 10 млн. человек) в 1950 г. сосредоточено 86,4%, а в 2000 г. будет жить 94,6% населения Земли. Политические реалии тоже не столь пугающие. Как бы остро ни проявлялись в ряде стран, как правило, с нерешенными социальными проблемами, сепаратистские тенденции к приобретению собственной государственности со стороны некоторых этнических групп, дело в большинстве случаев заканчивается оформлением разного уровня внутренних автономий. Небольшие народы в конечном итоге предпочитают оставаться в составе крупных политических образований. Так, например, много лет Квебекская партия в Канаде вела отчаянную политическую борьбу за отделение франкоязычной провинции Квебек от канадской федерации. Придя к власти и прове-

дя в 1979 г. референдум по данному вопросу, сепаратисты не получили должного мандата от франкоканадцев на эту акцию. Данный пример, на наш взгляд, является одним из возможных вариантов решения вопроса о самоопределении демократическим путем. Но только он предполагает достаточно высокий уровень гражданского самосознания и правовой культуры, исключающий возможность манипулирования массовым сознанием, преобладание эмоций над разумом.

И, наконец, последний вопрос: почему народы предпочитают жить в крупных многонациональных образованиях? Не по причине же невозможности противостоять сформировавшейся центральной власти с ее атрибутами силы и воздействия! Хотя и такая ситуация далеко не исключение. Главные факторы объединительного характера все же состоят в возможности соединения ресурсов и потенциала народов в условиях государственного союза для обеспечения более высокого уровня благосостояния, а также в возможностях защиты от внешних угроз в социально неоднородном мире.

Эти положения долгое время нам представлялись бесспорными. Однако ядерная эпоха и накопление крупными державами потенциала оружия всеобщего уничтожения практически лишили народы этих государств столь длительно сохраняемого преимущества. Возможная ядерная катастрофа сегодня коснется в первую очередь тех стран, которые имеют самую мощную силу для своей защиты. Стоит упомянуть также, что производство и содержание этой силы ложится ныне огромным бременем на население крупных стран, сдерживая уровень его материального развития. Таким образом, в последние десятилетия преимущества жизни в крупных странах подвергаются серьезному вызову со стороны ядерного монстра. Чем народы, в том числе и нашей страны, могут ответить на этот вызов? Утопично думать, что какая-то сверхъестественная сила в один и тот же день и час упразднит крупные державы, разбив мир на мелкие государства, не способные больше угрожать другим народам и выживанию человечества. Опасно полагать, что наш Союз своим единственным примером должен реализовать намечающуюся тенденцию «разгосударствления» жизни гражданских сообществ. Наши высокие, но во многом оставшиеся декларативными ценности и идеалы и низкокачественные товары встретят столь жесткое противостояние, что могут обречь не одно поколение людей на еще большие трудности и отставание.

Менее утопична надежда на возникновение определенных надгосударственных структур в рамках мирового сообщества, способных взять на себя решение глобальных проблем. Историческое предназначение нашего многонационального государства через развитие гражданского общества и равноправия народов обеспечить последним достойное место в этом мировом содружестве. Но это при условии, что сами народы сделают выбор в пользу обновленной федерации, а не предпочтут другие варианты развития.

Примечания

¹ См. тексты важнейших партийных документов, в том числе Программу Коммунистической партии Советского Союза.

² Правда. 1989. 3 апреля (из выступления художника И. Глазунова).

³ Куличенко М. Н. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981. С. 79.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 286.

⁵ Кирег А. United Nations? // Politics. June 12. 1987.

⁶ Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 47.

⁷ Зотов В. Национальный вопрос: деформации прошлого // Коммунист. 1989. № 3. С. 79.

⁸ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1988. С. 65.

⁹ Крюков М. В. Читая Ленина // Сов. этнография. 1989. № 4.

¹⁰ Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания. М., 1988. С. 13, 15.

¹¹ Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1988. P. 53.

¹² Известия. 1989. 1 января.

¹³ Актуальные проблемы... С. 56.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 379.